
Базиль Сперанский
Притворись моей невестой
18+

Базиль Сперанский
Притворись моей невестой

https://litres.ru/74706234
SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Зарецкая создаёт праздники для других, но в её жизни праздника нет: долги отца, коллекторы, агентство на грани закрытия.

Марк Ветров — самый холодный миллиардер Москвы. Он не верит в любовь, только в сделки. Но чтобы сохранить контроль над семейной империей, ему до 14 февраля нужна жена. Любая. Достаточно — фиктивная.

Один юбилей, одна сцена, чужое кольцо на её пальце — и Алиса становится «невестой» Ветрова. Он закрывает её долги, она играет влюблённую. Правила простые: никаких чувств, никаких поцелуев, не влюбляться.

Вот только в этой семье играют все: бабушка Марка уже расставила фигуры и знает финал раньше остальных, кузен прячет нож за улыбкой, а бывшая невеста возвращается с фотографиями и планами.

От вражды — к нежности. От лжи — к правде. От контракта — к любви навсегда.

Роман о том, как самое выгодное соглашение в жизни оказывается единственным, которое нельзя расторгнуть.

Базиль Сперанский
Притворись моей невестой

ПРИТВОРИСЬ МОЕЙ НЕВЕСТОЙ

Роман

Базиль Сперанский

18+

Содержит сцены откровенного характера. Все персонажи совершеннолетние.

2026

АННОТАЦИЯ

Алиса Зарецкая умеет создавать праздники для других. Но в её собственной жизни праздника нет: долги отца, маленькое event-агентство на грани закрытия и ноль времени на личное.

Марк Ветров — самый холодный миллиардер Москвы. Он не верит в любовь — только в сделки. Чтобы сохранить контроль над семейной империей, ему до 14 февраля нужна жена. Любая. Достаточно — фиктивная.

Один юбилей, одна сцена, чужое кольцо на её пальце — и Алиса становится «невестой» Ветрова. Условия идеальны: он закрывает её долги, она играет влюблённую. Правила про-

стые: никаких чувств, никаких поцелуев, не влюбляться.

Вот только бабушка Марка затеяла собственную игру. И сердца контрактов не читают.

От вражды — к нежности. От лжи — к правде. От контракта — к любви навсегда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. Алиса. Невеста на замену ····· 4
ГЛАВА 2. Алиса. Контракт ····· 11
ГЛАВА 3. Алиса. Легенда ····· 17
ГЛАВА 4. Марк. Поцелуй для камер ····· 24
ГЛАВА 5. Алиса. Домашние правила ····· 31
ГЛАВА 6. Марк. Ночная кухня ····· 38
ГЛАВА 7. Алиса. Назови цену ····· 45
ГЛАВА 8. Алиса. Играй искренне ····· 52
ГЛАВА 9. Марк. Последняя, кого он защищал ····· 58
ГЛАВА 10. Алиса. Клевета на завтрак ····· 66
ГЛАВА 11. Марк. Репетиция ····· 75
ГЛАВА 12. Алиса. Бал ····· 80
ГЛАВА 13. Марк. Скажи «остановись» ····· 91
ГЛАВА 14. Марк. Которые врут ради нас ····· 97
ГЛАВА 15. Алиса. Функции не имеют права ····· 105
ГЛАВА 16. Алиса. Одна кровать на двоих ····· 111

ГЛАВА 17. Марк. Война на два фронта ····· 119
ГЛАВА 18. Марк. Хлеб по собственной карте ····· 126
ГЛАВА 19. Алиса. Я признаю контракт ····· 134
ГЛАВА 20. Марк. Ветровы не играют против семьи ····· 143
ГЛАВА 21. Алиса. Пункт третий ····· 150
ГЛАВА 22. Алиса. Звонок, которого не должно было быть ····· 156
ГЛАВА 23. Марк. Восемнадцать страниц правды ····· 163
ГЛАВА 24. Алиса. Вот теперь — по-настоящему ····· 171
ЭПИЛОГ. Год спустя ····· 180
БОНУС 1. Марк. Двадцать третье октября ····· 186
БОНУС 2. Таисия. Как я нанимала невесту ····· 192
БОНУС 3. Жанна и Артур. Мандарин и медиаплан ····· 198

ГЛАВА 1. АЛИСА. НЕВЕСТА НА ЗАМЕНУ

За семь лет работы event-организатором я вывела одно железное правило: если что-то может пойти не так, оно пойдёт

не так именно в тот момент, когда ты расслабилась и мысленно пересчитываешь гонорар.

Проверено. На себе. Двести раз.

— Зарецкая, у нас проблема! — гаркнула в ухо гарнитура голосом Жанны, и я вздрогнула так, что едва не уронила планшет.

— Жанна, у нас не проблема, — спокойно ответила я, лавируя между официантами с подносами шампанского. — У нас юбилей Таисии Аркадьевны Ветровой. Двести гостей, прямой эфир в соцсетях холдинга и контракт на четыре миллиона, от которого зависит, чем мы с тобой будем платить за аренду в январе. У нас не может быть проблем. Что случилось?

— Цветы.

— Я же просила коралловые пионы…

— Пионы приехали белые. Все четыреста штук. Белые, Алиса. Как снег. Как фата. Как…

— Жанна. — Я нырнула в служебный коридор банкетного зала «Ветров Плаза» — отеля, которым, разумеется, владел юбиляров правнук… нет, внук. Семья. — Белые пионы в сочетании с золотом и бордо выглядят как старинная гравюра. Мы меняли концепцию трижды за месяц, и если сейчас ты скажешь, что флорист перепутал…

— Флорист ничего не перепутал. — В голосе Жанны прорезались странные нотки. Не паника. Хуже. Виноватость. — Алиса, это не про цветы. Цветы я уже переиграла, поставим

их в зону у камина, будет даже лучше. Это… это про спецэпизод.

Я остановилась так резко, что шпилька предательски хрустнула.

Спецэпизод. Тот самый «секретный сюрприз», который мы готовили три недели по личной просьбе PR-службы «Ветров Групп» и о котором знали только четверо: я, Жанна, ассистентка Марка Ветрова Инна и какая-то девушка из актёрского агентства. Суть была туманной, как всё в этой семье: в кульминационный момент вечера, перед выносом торта, на сцену выходит приглашённая актриса, и внук юбилярши, Марк Александрович Ветров, делает ей… что-то. Интрига держалась до последнего. Мне прислали только тайминг, схему света и строчку в смете с двойным тарифом за «артиста по индивидуальному кастингу клиента».

— Что — про спецэпизод? — тихо спросила я.

— Она сбежала.

— Кто сбежала?

— Актриса. Милана. Или Мила. Или как её там. — Жанна шумно выдохнула. — Я зашла в гримёрку проверить готовность. Платье висит на вешалке. Туфли стоят. Телефон выключен. Охрана говорит, выходила через служебный вход двадцать минут назад, с сумкой, в кроссовках. Алиса, до эпизода девять минут. Девять. Минут.

В голове у меня, как в дурном сне, прокрутился тайминг вечера: тосты — есть, видео-поздравление от внуков — есть,

живая музыка — есть, торт — ждёт в холодильнике. И «секретный сюрприз», ради которого бабушка юбилярша, по словам Инны, «ждала весь год и которому поверит сердце».

Инна вчера обмолвилась странной фразой: «Таисия Аркадьевна убеждена, что сегодня внук сделает ей главный подарок. Она сама попросила… организовать это так, чтобы всё случилось сегодня».

Организовать. Сюрприз. Невесту.

Осознание накатило ледяной волной.

— Жанна, — очень спокойно сказала я. — Найди Инну. Прямо сейчас. И никого не выпускай на сцену.

— А ты куда?

— Искать того, кто всё это заказывал.

Заказчик нашёлся сам — точнее, я столкнулась с ним нос к носу за тяжёлой портьерой служебного выхода, едва не сбив с ног.

Марк Александрович Ветров не пошатнулся. Вообще. Словно это не я, а он был из титана, а я — из конфетти и нервов.

Я знала его в лицо, конечно — все знали. Тридцать три года, Forbes, «Ветров Групп», отели по всей стране, и взгляд, от которого, по слухам, на советах директоров вяли фикусы. В смокинге, с бокалом, которого он, кажется, не собирался пить, он выглядел как человек, идеально владеющий собой. И как человек, у которого внутри всё рушится, — если знать, куда смотреть. Я семь лет читала лица клиентов. Я знала,

куда смотреть.

— Зарецкая, — ровно произнёс он. Мой голос в его устах прозвучал почти вежливо. Почти. — Где она?

— Где кто? — я сделала вид, что не поняла, и тут же бросила притворяться, потому что времени не было совсем. — Актриса сбежала. Марк Александрович, эпизод через семь минут. У вас… у вас вообще есть план?

План, судя по всему, был. Был — и только что вышел через служебную дверь в кроссовках и с двойным гонораром в кармане.

Ветров молчал три секунды. Я видела, как за эти три секунды в его голове проносятся звонки, замены, варианты — и гаснут один за другим, потому что за три секунды до «сюрприза» людей из-под земли не достают. А потом он посмотрел на меня.

И я очень, очень не понравилась себе в этот момент — потому что по спине побежали мурашки, совершенно неуместные, профессионально-неуместные.

— Какого размера у вас палец? — спросил он.

— Что?

— Безымянный. Размер. Быстро.

— Шестнадцать с половиной, но…

Он уже достал из внутреннего кармана смокинга плоскую тёмно-синюю коробочку. Щёлкнул замочком — и у меня внутри что-то оборвалось, потому что на бархате лежало кольцо, которого не могло быть в реквизите: старинный изу-

мруд в бриллиантовой оправе, тяжёлый, тёмно-зелёный, как хвойный лес в сумерках. Такие кольца не берут напрокат. Такие кольца передают по женской линии.

— Это… — начала я.

— Кольцо моей прабабки. Сегодня днём бабушка вложила его мне в руку и сказала, что хочет увидеть его на пальце невесты до конца вечера. — Голос у Ветрова был ровный, как шоссе, и пустой, как это шоссе в три часа ночи. — У меня есть семь минут, Зарецкая. У вас — платье за два миллиона, сцена, полный зал и бабушка, которой восемьдесят лет и у которой больное сердце, и которая весь год ждала этот вечер.

— Марк Александрович, я организатор, а не актриса.

— Вы организатор. — Он шагнул ближе, и запах его парфюма — что-то холодное, древесное, дорогое до неприличия — на секунду вытеснил из моей головы все мысли. — Вы срежиссировали этот вечер так, что моя бабушка трижды за неделю назвала его лучшим в её жизни. Значит, играть вы умеете.

— Я не буду…

— Пять миллионов. — Он произнёс это так же ровно, как называют номер этажа. — Лично вам. Плюс ваше агентство получает годовой контракт на все мероприятия «Ветров Групп».

Мир вокруг странно затих. Где-то далеко, за портьерой, оркестр играл вальс, гости смеялись, звенели бокалы. А я стояла и смотрела на человека, который только что назвал

сумму, равную всем нашим с Жанной оборотам за три года, — и понимала, что он знает. Он изучил меня. Вчера или сегодня утром, пока я расставляла пионы и гоняла светотехников, кто-то положил ему на стол справку: «Алиса Зарецкая, 26 лет, агентство "Кулисы", долги отца — три миллиона двести, квартира под угрозой взыскания…»

Откуда-то из темноты коридора выплыла гарнитура Жанны: «Алиса, зал садится. Таисия Аркадьевна спрашивает, где сюрприз. Алиса?»

Ветров смотрел на меня сверху вниз — и ждал. Без давления, без уговоров. Просто ждал, как человек, привыкший, что решения принимают быстро, а платят за них дорого.

И я подумала о маме, которая второй год носит одно и то же пальто. О Кирилле, который подрабатывает ночами, чтобы не просить у меня на учебники. О конверте из банка, который я прячу в ящике стола и не открываю уже неделю.

— У вас есть план эпизода? — услышала я собственный голос.

Уголок его рта дёрнулся. Не улыбка — тень улыбки.

— Импровизация. Вы идёте за мной. Свет, музыка — ваши.

— Тогда слушайте меня, — я перехватила его гарнитуру и переключила канал, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле. — Жанна, спецэпизод в силе, замена исполнителя, свет — сцена шесть, прожектор на центр, музыка — переход на трек двенадцать после его слов. Вывод зала — по схеме

«предложение». Всё, девочки и мальчики, погнали. Таисии Аркадьевне — внимание на сцену через две минуты.

Я подняла глаза. Ветров смотрел на меня с чем-то новым в этом своём ледяном взгляде. Кажется, с интересом.

— Вы всегда командуете мужчинами в смокингах?

— Только когда они мешают мне работать. Дайте руку.

— Что?

— Кольцо. — Я протянула ладонь. — Я надену его сама, за кулисой, чтобы в зале всё выглядело… по-настоящему. Идёт?

Он молча высыпал кольцо мне на ладонь. Изумруд оказался тяжёлым и тёплым — видимо, всё это время грелся у него у сердца. Странная, глупая мысль. Я отогнала её.

— Алиса. Алиса Олеговна Зарецкая, — зачем-то представилась я, натягивая кольцо. Село как влитое. Разумеется, село. Такие вещи в таких семьях всегда садятся как влитые.

— Марк. — Он впервые назвал себя без отчества. — Запомните, Алиса Олеговна: в зале — двести человек, из них тридцать мечтают, чтобы этот вечер провалился. Улыбайтесь им так, как умеете только вы.

— Я думала, мы импровизируем.

— Мы импровизируем. — Он откинул портьеру, и на нас обрушился свет, музыка и гул двухсот голосов. — Просто импровизация — это когда план есть у обоих.

Сцену я помню урывками, как помнят очень яркий сон.

Вот мы идём между столами, и он держит мою руку чуть

крепче, чем требует роль. Вот зал затихает, потому что внук Таисии ведёт куда-то к сцене девушку в платье цвета бордо, которой никто не знает. Вот в первом ряду — маленькая прямая женщина с бриллиантовой ниткой на шее и глазами моложе, чем у большинства гостей: Таисия Аркадьевна Ветрова. Она смотрит на нас — и её лицо начинает меняться раньше, чем что-либо произошло. Она догадывается. Она так хотела догадаться, что догадалась бы, даже если бы мы просто вышли за хлебом.

Вот Марк останавливается. Поворачивается ко мне. Что-то говорит — тихо, так, чтобы слышала только я и чтобы по залу пробежал этот особенный шепоток, когда двести человек одновременно задерживают дыхание.

— Алиса. — Его голос звучит ровно. Слишком ровно. — Сыграйте это. Ради нас обоих.

А потом свет гаснет, остаётся один прожектор — и Марк Александрович Ветров, человек, при взгляде на которого вяли фикусы и падали акции, опускается передо мной на одно колено.

Зал ахает так, что вздрагивают хрустальные подвески люстр.

Коробочка открывается. Он уже держит кольцо — забрал у меня секунду назад, я и не заметила, — и изумруд ловит прожектор, вспыхивает тёмно-зелёной звездой.

— Алиса, — говорит он на весь зал, и в микрофонной тишине я слышу, как у меня колотится сердце, — вы согласны

стать моей женой?

Двести лиц поворачиваются ко мне. Двести пар глаз. Камеры. Первый ряд — и в нём бабушка, которая прижала ладони к губам.

И где-то справа, в полутьме у колонны, — ещё одно лицо. Светлые волосы, идеальная улыбка, бокал в длинных пальцах. Женщина смотрит на нас так, словно знает про этот вечер что-то, чего не знаем мы.

Я успеваю подумать: «Зарецкая, это твой самый дорогой гонорар в жизни. Не урони».

И улыбаюсь — так, как умею только я, — и говорю:

— Да.

Зал взрывается. Оркестр, которому Жанна дала знак, уходит в победное крещендо. Таисия Аркадьевна поднимается, и к ней тут же кидаются поздравлять, а она отталкивает всех и идёт прямо ко мне — маленькая, прямая, с влажными глазами.

Марк поднимается с колена, надевает кольцо на мой палец — и на секунду, всего на секунду, задерживает мою ладонь в своей. Пальцы у него горячие. Совсем не ледяного человека.

— Умница, — шепчет он одними губами, пока зал рукоплещет. — Держитесь меня.

— Всю жизнь? — выдыхаю я, потому что адреналин уже несёт меня, и мне физически необходимо язвить.

— Пока что — этот вечер, — отвечает он. — А там посмотрим.

Бабушка обнимает меня — крепко, с невероятной силой для своих восьмидесяти, и пахнет дорогими духами и чем-то домашним, печёным, — и говорит в самое ухо, так что слышу только я:

— Вот и славно. Вот и дожила. Значит, правда говорят: чудеса случаются с теми, кто их заказывает.

Я не успеваю ничего ответить — её уже уводят фотографироваться. Вспышки. Шампанское. Чьи-то руки, поздравления, вопросы «а как вы познакомились?», «а чем вы занимаетесь?», и я улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь, потому что семь лет профессии научили меня главному: лицо держим, ноги несут.

Через час, когда торт съеден, а вальс оттанцован, я спускаюсь в служебный коридор — на десять минут тишины, снять туфли и выпить воды из кулера, как простой смертный организатор.

Туфли я снять не успеваю.

Марк Ветров возникает в коридоре бесшумно, как и всё в его жизни, — уже без бабочки, с расстёгнутым воротом, и на лице у него впервые за вечер что-то живое. Усталость. И — решение.

— Блестяще, Алиса Олеговна, — говорит он. — Бабушка счастлива. Совет семьи в шоке. Половина зала уже строчит в соцсети. Завтра утром ваша фотография будет на всех деловых порталах страны.

— Звучит как приговор, — осторожно отвечаю я.

— Звучит как антракт. — Он делает шаг ближе и смотрит на меня сверху вниз — спокойно, тяжело, в упор. — Спектакль понравился публике. Значит, продлеваем сезон. Завтра в десять утра, мой офис, Пресненская набережная, башня «Империя». Обсудим детали нашей помолвки.

— У меня завтра три встречи и монтаж…

— Отмените. — В его голосе нет ни угрозы, ни просьбы. Только факт. — Зарецкая, вы сказали «да» при двухстах свидетелях, надели фамильное кольцо Ветровых и танцевали со мной вальс под камеры. С этого момента у вас есть два пути: завтра в десять вы приходите ко мне — или послезавтра я объясняю бабушке, прессе и совету семьи, что нас всех обманули. Выбирайте.

Он разворачивается и уходит — прямой, как стрелка его брюк, — а я остаюсь стоять в коридоре, в чужом кольце за два миллиона, с гарнитурой в ухе, где Жанна восторженно орёт кому-то: «Да, да, это мы организовали! Свадьба будет — следите за анонсами!»

Я смотрю на свою руку. Изумруд тускло блестит в свете служебных ламп.

«Алиса, — говорю я себе, — ты только что продалась. Дорого. Со скидкой на срочность».

И самое страшное даже не это.

Самое страшное — что когда он стоял на одном колене при полном зале, у меня на одну безумную секунду… дрогнуло сердце.

ГЛАВА 2. АЛИСА. КОНТРАКТ

В десять утра я стояла перед зеркалом в переговорной башни «Империя» — не в своём офисе, нет, в ЕГО офисе, на сорок девятом этаже, — и пыталась вспомнить, как дышат нормальные люди.

Переговорная была размером с мою квартиру: панорамные окна, Москва как на ладони, стол из чёрного камня, за которым можно было играть в футбол. Всё здесь говорило одно: «Ты здесь гостья. Веди себя прилично и уходи быстро».

Я пришла в строгом: тёмно-синее платье, пиджак, волосы собраны. Единственное, чего мне не удалось победить, — кольцо. Изумруд притягивал взгляды, как маяк, и снимать его я не стала: во-первых, Инна вчера вечером прислала сообщение («Кольцо не снимать ни при каких обстоятельствах. Папарацци у подъезда»), а во-вторых… во-вторых, пусть будет хоть что-то настоящее в этом вчерашнем безумии.

Дверь открылась ровно в десять. Ни минутой раньше, ни позже — я засекала.

Марк Ветров вошёл в тёмно-сером костюме, с планшетом под мышкой, и за ним — двое: строгая женщина-юрист лет пятидесяти с папками и… я моргнула. Инна, его ассистентка, которая вчера весь вечер руководила моим дыханием по гарнитуре.

— Алиса Олеговна. — Он кивнул, не подавая руки. — Знакомьтесь: Наталья Павловна, глава юридического депар-

тамента. Инну вы знаете. Садитесь. У нас сорок минут, потом совет директоров.

— Рада знакомству, — сказала я и села. Спина сама выпрямилась.

Наталья Павловна разложила папки с хирургической точностью.

— Алиса Олеговна, прежде чем мы перейдём к документу, Марк Александрович введёт вас в контекст.

Ветров подошёл к окну, спиной ко мне. Город лежал под ним, как шахматная доска.

— Вы слышали про семейный траст Ветровых?

— Из вчерашних новостей я слышала, что у вас есть бабушка, — ответила я. — Остальное — из светской хроники. До вчера.

Уголок его рта дёрнулся. Он развернулся.

— Тогда слушайте. Мой дед, Лев Саввич, основал дело и оставил завещание, которое семья ненавидит уже десять лет. Контрольный пакет — пятьдесят один процент «Ветров Групп» — находится в трасте. Распорядитель — моя бабушка. Полные права управления переходят ко мне при одном условии. — Пауза. — Я должен состоять в браке до тридцати пяти лет. Мне тридцать четыре. Тридцать пять исполняется четырнадцатого февраля.

Я мысленно прокрутила календарь. Февраль. Четырнадцатое. День святого Валентина.

— И если вы не успеете…

— Право переходит к следующей мужской линии. — Его голос стал ещё ровнее, если это возможно. — Моему кузену Герману. Который вчера вечером стоял у колонны и смотрел на нас с вами так, словно прикидывал, сколько вы стоите.

Вчерашнее лицо в полутьме всплыло в памяти: светлые волосы, идеальная улыбка. Нет, у колонны стояла женщина. Но я была уверена — Герман Ветров тоже где-то там был. Такие люди всегда где-то там.

— То есть дед завещал вам: женись или потеряешь империю, — медленно произнесла я.

— Дед был романтиком с характером бульдозера. Он считал, что человек, не построивший семью, не удержит и дело. Бабушка поддерживает пункт завещания по своим причинам. — Ветров вернулся к столу и сел напротив, в первый раз за разговор глядя мне прямо в глаза. — Вчера вечером я сделал вам предложение при двухстах свидетелях. Сегодня вся деловая Москва обсуждает помолвку Ветрова. Через четыре месяца, четырнадцатого февраля, мы поженимся. После подтверждения прав траста, примерно через год, мы тихо и цивилизованно разведёмся. Вот и весь контекст. Наталья Павловна?

Юрист придвинула ко мне папку. Плотную. Очень плотную.

— Договор о фиктивной помолвке и браке, — начала она деловым тоном. — Срок: с момента подписания до расторжения брака, ориентировочно — восемнадцать месяцев.

Обязанности сторон…

Она говорила и говорила: публичные появления, семейные мероприятия, согласованные интервью, проживание, конфиденциальность, штрафы. Я листала страницы и чувствовала, как внутри растёт странное чувство — не страх. Азарт, смешанный с тошнотой.

— …и вознаграждение, — завершила Наталья Павловна. — Пять миллионов рублей лично вам. Отдельным пунктом: полное погашение задолженности Зарецкого Олега Владимировича перед банком — три миллиона двести тысяч, включая пени и штрафы, — силами заказчика. И годовой контракт event-агентства «Кулисы» на обслуживание мероприятий группы «Ветров Групп» с авансом.

Я подняла глаза. В комнате стало очень тихо.

— Вы и про долги знаете, — сказала я ровно.

— Я знаю про всё, Алиса Олеговна, — ответил Ветров без тени извинения. — Я не заключаю сделки вслепую. У вашего агентства проблемы, у вашей семьи — долг, у вас лично — три предложения от конкурентов за вчерашний вечер, судя по вашим соцсетям. — Он чуть наклонился вперёд. — Вопрос простой. Да или нет.

Вопрос был не простой. Вопрос был — как шаг с вышки в воду: страшно, высоко, а внизу, возможно, вся жизнь.

Я думала о маме. О Кирилле. О конверте из банка в ящике стола. О четырёх миллионах за вчерашний вечер, которые уйдут на аренду, зарплаты и проценты, и снова ничего не

останется.

— Условия, — сказала я. — Я хочу назвать свои.

Бровь Ветрова поползла вверх. Наталья Павловна перестала дышать. Инна, кажется, впервые за год оторвалась от планшета.

— Любопытно, — произнёс Марк. — Слушаю.

— Первое. Моё агентство работает по контракту как независимый подрядчик. Никакой эксклюзивности, я сохраняю других клиентов.

— Принято, — кивнула юрист, глядя на босса. Тот не шевельнулся.

— Второе. Моя семья не узнает правды. Мама и брат должны думать, что всё… настоящее. По крайней мере, до развода.

— Принято.

— Третье. — Я выпрямилась. — Проживание раздельное. Даже если по легенде мы живём вместе, у меня своя спальня с замком.

— Замок — это мило, — ровным голосом сказал Ветров. — Принято. Хотя замки в моём доме открываются тем, у кого есть ключ.

— Тогда четвёртое. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Никаких поцелуев. Никакой… близости. Ни под каким предлогом. Публичные — по минимуму и по согласованию. Это контракт о браке, а не обо мне.

Переговорная погрузилась в тишину. Наталья Павловна

аккуратно положила ручку.

Марк Ветров откинулся в кресле и посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом — как смотрят на интересный актив, который вдруг выставил встречные условия.

— Принято, — сказал он наконец. — Никаких поцелуев. Можете не волноваться, Алиса Олеговна. — И добавил, уже поднимаясь, тем тоном, которым закрывают папку: — Вы не в моём вкусе.

Что-то внутри меня звякнуло и треснуло. Глупо. Абсолютно глупо — я сама это потребовала, сама настояла, сама…

— Отлично, — ответила я с ледяной улыбкой и поднялась. — Тогда мы прекрасно друг другу подходим. Взаимно, Марк Александрович. Вы тоже совершенно не в моём вкусе.

Инна издала звук, похожий на сдавленный кашель.

Мы подписали. Три экземпляра, нотариальное заверение отдельным пакетом, приложение с графиком мероприятий. Когда я ставила последнюю подпись — руку чуть повело, и росчерк вышел длиннее обычного, — Ветров наблюдал за мной с непроницаемым лицом.

— Первое публичное появление — через две недели, благотворительный вечер фонда бабушки, — сказала Инна, провожая меня к лифту. — До этого — легенда, гардероб, соцсети. Расписание пришлю сегодня. И, Алиса Олеговна… — она понизила голос, — кольцо не снимайте даже дома. У нас стены слышат.

— В каком смысле?

— В прямом. Герман Андреевич очень внимательный член семьи.

Лифт закрылся, и я осталась одна — с папкой в руках и кольцом на пальце.

Пять миллионов. Закрытый долг. Контракт для «Кулис». Всё, о чём я мечтала последние полтора года, легло в папку толщиной в четыре пальца.

Цена? Четыре месяца помолвки, год брака, жизнь под прицелом камер и один холодный мужчина, который считает, что я не в его вкусе.

«Зарецкая, это лучшая сделка в твоей жизни, — сказала я своему отражению в зеркальных дверях лифта. — Держи лицо. Ты профессионал».

Отражение кивнуло. Оно-то знало, что профессионал — это тот, кто не смотрит вслед мужчине, который только что купил его на четыре месяца.

* * *

До агентства я доехала как в тумане. Жанна встретила меня в дверях — рыжая, взлохмаченная, с двумя стаканчиками кофе.

— Ну?! — заорала она шёпотом, впихивая мне стакан. — Рассказывай. Всё. С подробностями. Я всю ночь не спала, листала новости. «Таинственная невеста Ветрова» — ты в топе, подруга. В ТО-ПЕ. Тебя ищут все светские telegram-каналы. Кто-то уже написал, что ты модель из Питера.

— Я event-организатор из Люблино, — устало сказала я и

положила папку на стол.

Жанна посмотрела на папку. Потом на меня. Потом снова на папку.

— Алиса. Что это.

— Это, Жанна, контракт. — Я села в своё кресло и вдруг почувствовала, как дрожат колени. — Я выхожу замуж. Четырнадцатого февраля. Фиктивно. За Марка Ветрова. За пять миллионов и закрытие папиного долга.

Тишина длилась секунд пять. Потом Жанна села прямо на пол, где стояла.

— Повтори, — сказала она. — Медленно. И с начала.

Я рассказала. Про вчерашний вечер — коротко. Про утро — подробно. Про «вы не в моём вкусе» — с интонацией, от которой Жанна присвистнула.

— Ну знаешь, — выдала она наконец, — я, конечно, всегда говорила, что тебе нужен мужчина с деньгами, но чтоб сразу миллиардер и сразу по контракту… Подруга, это сериал. Мы в сериале. Я буду свидетельницей?

— Ты уже ею назначена. Пункт договора: «подружка невесты, согласованная с PR-службой».

— Я требую прибавку, — заявила Жанна. — За артистизм.

Мы засмеялись — обе, немного истерично, как смеются люди на краю очень дорогого приключения.

— Алиса. — Жанна вдруг стала серьёзной. — А сердце? Ты про сердце подумала? Этот твой Ветров… он же айсберг

с глазами. Ты с ним четыре месяца, а потом год брака — и всё это время притворяешься, что любишь. Ты уверена, что выдержишь?

Я открыла рот. Закрыла. Посмотрела на руку, где изумруд снова поймал свет.

— Жан, у меня нет выбора. — Голос прозвучал твёрже, чем я себя чувствовала. — Есть долг, есть мама, есть Кирилл, есть агентство. А сердце… — я усмехнулась, — сердце я переживу. Я профессионал.

Мой телефон завибрировал. Незнакомый номер, московский. Я взяла трубку — и в ту же секунду мир вокруг стал очень чётким, как бывает только в момент беды.

— Алиса Олеговна Зарецкая? — Голос был вежливый и липкий одновременно. — Коллекторское агентство «Финансовый партнёр». Мы выкупили долг вашего отца. Хотим сообщить: подали иск об обращении взыскания на квартиру в Люблино. Суд через три недели. Советуем освободить помещение заранее, чтобы не…

Я не слушала дальше. Пальцы сами сжали телефон.

— …конечно, если вопрос не решится в ближайшие дни, — продолжал голос. — У вас ведь есть варианты, правда? Мы видели новости. Поздравляем с помолвкой, так сказать.

В трубке щёлкнуло.

Я медленно опустила телефон и посмотрела на Жанну. Та, кажется, поняла всё по моему лицу.

— Коллекторы, — сказала я. — Они выкупили долг и по-

дают на квартиру. Три недели, Жан.

— Но контракт… пять миллионов…

— Пять миллионов я получу ПОСЛЕ свадьбы. Четырнадцатого февраля. — Я посмотрела на календарь на стене. Октябрь. — А суд — через три недели.

Жанна молчала. За окном шумела Бауманская, где-то смеялись студенты, жизнь шла своим чередом, не зная, что у меня только что закончились все запасные выходы.

Я открыла папку и нашла первую страницу контракта. Строки прыгали перед глазами, но нужную я нашла сразу — приложение № 3, «Финансовые условия»: аванс в счёт вознаграждения — по согласованию сторон.

Значит, можно согласовать.

Я взяла телефон и набрала номер, который Инна записала мне вчера — «прямая линия, для экстренных случаев».

Гудок. Второй.

— Слушаю, — раздался в трубке холодный, ровный голос Марка Ветрова.

— Марк Александрович, — сказала я, глядя в окно, на серое октябрьское небо. — Это Зарецкая. Ваша невеста. У меня изменились обстоятельства. Мне нужно увидеться с вами сегодня. И мне нужен аванс.

Пауза.

— Через час, — сказал он. — Приезжайте. И, Алиса Олеговна… — в трубке впервые прозвучало что-то похожее на усмешку, — добро пожаловать в семью.

ГЛАВА 3. АЛИСА. ЛЕГЕНДА

Марк Ветров умел решать проблемы. Я поняла это через час, когда сидела в его кабинете — уже не в переговорной, а в святая святых, — и смотрела, как он делает четыре звонка подряд, не повышая голоса ни на полтона.

— Наталья Павловна, долг Зарецких. Выкупаем у «Финансового партнёра» в течение сорока восьми часов, по номиналу, с полным пакетом закрывающих документов… Да, с отказом от иска. Они не откажутся. У них лицензия на грани проверки — уточните у службы безопасности, кому они её показывали в прошлом месяце… Глеб, найди мне, кто стоит за «Финансовым партнёром». Настоящего собственника, не номинального. Сегодня…

Он положил трубку и посмотрел на меня.

— Аванс переведут в течение дня. Полтора миллиона — этого хватит на выкуп долга с запасом. Остальное — по графику.

Я сидела и молчала, потому что горло перехватило. Полтора миллиона. За один час. За четыре звонка. То, ради чего я не спала два года, решалось в этом кабинете между совещанием и совещанием.

— Спасибо, — сказала я наконец. — Я… верну. Из вознаграждения. Всё до копейки.

— Не нужно. — Он уже смотрел в планшет. — Это статья расходов по нашему проекту. — И вдруг, не отрываясь

от экрана: — Алиса Олеговна, вас не смущает одно совпадение?

— Какое?

— Вчера вечером весь интернет узнал, что вы моя невеста. Сегодня утром на вас подают в суд за квартиру. — Он поднял глаза. — Я не верю в совпадения. Я верю в чей-то почерк.

— Чей?

— Пока не знаю. — Пауза. — Но узнаю. И когда узнаю — этот человек очень пожалеет, что решил играть на моём поле.

В его голосе было что-то такое, от чего мне на секунду стало жалко всех, кто решит играть на его поле. И себя немножко — потому что я уже стояла в центре этого поля, в чужом кольце и с подписанным контрактом.

— А теперь идите, — сказал Марк ровным голосом. — В одиннадцать вас ждёт Артур. Он сделает из вас мою невесту.

— Я думала, ею уже сделала меня ваша бабушка.

— Бабушка сделала вас невестой для зала, — ответил он. — Артур сделает вас невестой для страны. Это, поверьте, сложнее.

* * *

Артур Сафонов, PR-директор «Ветров Групп», оказался высоким улыбчивым мужчиной с хитрыми глазами и энергией человека, который спит по три часа и всех вокруг этому научил.

— Алиса! — он пожал мне руку так, будто мы были зна-

комы сто лет. — Садись. Кофе? Не кофе. Тебе нельзя кофе, у тебя через сорок минут фотосессия, будут круги под глазами. Вода. Инна, воду! Итак. У нас две недели, чтобы влюбить в эту историю всю страну. Ты готова?

— Я не знала, что у меня есть выбор, — ответила я.

— Выбора нет ни у кого, — жизнерадостно согласился Артур. — Есть легенда. Легенда, Алиса, — это скелет вашей любви. Всё, что пресса сможет проверить, и всё, во что она захочет поверить. У вас с Марком есть история знакомства. Сейчас мы её придумаем, а вы её выучите. Как текст роли. Ты же в душе режиссёр, справишься.

— Справлюсь. А какая у нас история?

Артур поворошил бумаги.

— Вариант первый: познакомились на форуме в Дубае. Скучно, деловито, не верят. Вариант второй: её сбила его машина, он лично возил в больницу. Слишком сериально, заминусуют. Вариант третий… — он поднял палец, — год назад. Алтай. Свадьба общих друзей. Ты — организатор, он — гость, случайно оказавшийся там вместо партнёра, который заболел. Вечером ты случайно разливаешь ему на рубашку бокал красного вина. Он молча снимает рубашку, остаётся в футболке и помогает тебе доносить до конца мероприятия декорации, потому что у тебя сбежали грузчики. Влюбился с этой минуты. Молчал год. А вчера — не выдержал.

Я смотрела на Артура с профессиональным восхищением.

— Это… гениально. Детали, конфликт, смирение богача, романтика. Люди такое обожают.

— Люди такое ОБОЖАЮТ, — подтвердил он. — Проблема одна: на Алтае вас вместе никто не снимал. Решение — «архивные кадры». Сегодня едем в студию, там декорации под горный отель, фотограф снимет «плёночные» фото годичной давности. Научись делать вид, что вы знакомы тысячу лет.

— А рубашку испачкать не забыли? — сухо спросила я.

— Костюмер уже везёт вино. — Артур подмигнул. — Настоящее. Пятна должны быть натуральными.

Фотосессия заняла полдня. Меня переодевали, гримировали «под прошлое лето», ставили свет «под плёнку», а в два часа дня в студию вошёл Марк.

Он приехал прямо с совещания — в костюме, с расстёгнутым воротом рубашки, мрачный как грозовая туча. Увидел декорации, фотографа, меня в льняном платье с чужой косой на плече — и остановился.

— Артур. Что это.

— Легенда, босс! — пропел Артур. — Сейчас ты наденешь вот эту простую рубашку — да, простую, не ту, что на тебе, — испачкаешь её вином, и мы снимем великую историю любви в шести кадрах. Улыбаться не обязательно, у тебя по легенде амплуа «суровый, но растаял».

— У меня по жизни такое амплуа, — пробормотал Ветров, но рубашку взял.

Дальше начался цирк, который я буду вспоминать годами. Фотограф — гений своего дела — заставлял нас «жить в кадре»: вот мы ссоримся, вот он подаёт мне бокал, вот я смеюсь, запрокинув голову, вот он смотрит на меня…

— Марк Александрович, вы смотрите на неё так, будто она должна вам денег, — стонал фотограф. — Влюблённость! Тёплую! Вспомните что-нибудь хорошее!

— Я вспоминаю, — процедил Ветров. — Квартальный отчёт. Он был хороший.

— Марк, — укоризненно сказал Артур, — ты убиваешь мне всю романтику.

Снимали кадр «рука в руке». Фотограф попросил «естественности», и Марк взял мою ладонь — и вдруг большим пальцем медленно провёл по изумруду. Жест получился таким… настоящим, что у меня сбилось дыхание, а фотограф восторженно щёлкнул серию.

— Вот! Вот это я понимаю! Марк Александрович, вы гений! Что вы сейчас представили?

— Квартальный отчёт, — невозмутимо ответил Ветров, не отпуская мою руку ещё секунду — ровно на секунду дольше, чем требовал кадр.

Я выдернула ладонь и ушла «попить воды», потому что щёки предательски горели, а по контракту мне было положено не чувствовать вообще ничего.

* * *

Следующие две недели слились в круговорот: примерки,

стилисты, интервью, «случайные» папарацци-кадры у ресторана, уроки семьи Ветровых. Артур гонял меня как студентку: «Кто дед? Лев Саввич, основатель, умер десять лет назад. Кто мать? Элеонора, живёт в Лондоне, терпеть не может всех. Кто кузен? Герман Андреевич, улыбается — значит, прячет нож. Повтори. Кто любимый цветок бабушки?» — «Пионы, — отвечала я, падая в кресло. — Коралловые. Я, между прочим, ставила ей юбилей». — «Вот видишь! Ты уже почти Ветрова!»

На «почти Ветрова» я старалась не реагировать. Не очень получалось.

Самым странным во всей этой круговерти был сам Марк. Мы виделись почти каждый день — репетиции выходов, семейные ужины «на пробу», согласование интервью. Он был неизменно вежлив, холоден и… внимателен. Запоминал, что я не пью кофе после шести. Один раз, когда папарацци обступили машину у ресторана, молча накрыл мою руку своей — «для кадра», разумеется, — и держал, пока вспышки не утихли. Другой раз, услышав, как я на репетиции вру про Алтай, вдруг добавил от себя деталь: «Она ещё босиком танцевала на пирсе. Все гости смотрели». — «Я не танцевала на пирсе!» — «Теперь танцевала, — сказал он ровно. — Легенда должна обрастать мясом». И посмотрел так, что я забыла, что собиралась возмутиться.

«Он просто хороший партнёр по спектаклю, — говорила я себе по ночам. — Профессионал. Айсберг с глазами. Ты не

в его вкусе. Он не в твоём. Всё под контролем».

Контроль полетел в тартарары на генеральной примерке перед благотворительным вечером.

Платье шили в закрытом ателье на Остоженке: тёмно-зелёный шёлк, под цвет изумруда, — идея Артура («бренд семьи, кольцевая композиция, пресса сойдёт с ума»). Я стояла на подиуме в одном белье, пока портнихи подкалывали лиф булавками, когда дверь ателье открылась и вошёл Марк.

— Артур сказал, финальная примерка в три, я хочу посмотреть… — Он поднял глаза. И замолчал.

Портнихи замерли с булавками. Я замерла на подиуме. Секунда длилась вечность.

Я видела, как его взгляд прошёлся по мне — от босых ног к плечам, — и как что-то в этом взгляде дрогнуло, треснуло тонким льдом. Потом лицо Ветрова захлопнулось, как банковский сейф.

— Продолжайте, — сказал он портнихам хрипловато и отвернулся к окну. — Я подожду.

— Марк Александрович, — прошипела я, слезая с подиума и вцепляясь в шёлк, — у нас в контракте пункт про приватность…

— Я постучал, — сказал он окну.

— Вы не постучали!

— Значит, дверь была открыта. — Он повернулся. И совершенно невозмутимо, глядя мне в глаза: — Платье хорошее. Вам идёт зелёный.

И вышел в соседнюю комнату «работать», оставив меня с пылающими щеками и портнихами, которые переглядывались так, словно только что стали свидетелями чего-то очень интересного.

— Мужчина пришёл смотреть платье, — прошептала старшая портниха, закалывая мне подол. — Ага. Платье.

* * *

Благотворительный вечер фонда Таисии Ветровой состоялся в субботу, в Колонном зале, и я готовилась к нему как к выходу на сцену Большого: это был наш первый совместный публичный выход, первая проверка легенды, первые вопросы в лоб.

— Запомни, — инструктировал Артур за час до начала, — на вопрос «как познакомились» — Алтай, вино, рубашка, улыбаешься. На вопрос «когда свадьба» — «скоро, дата в секрете», смотришь на Марка. На любые вопросы про семью — переводишь на фонд. Всё. Погнали делать вам любовь на всю страну.

Вечер прошёл… идеально. Не буду скромной: я семь лет делаю такие вечера, и этот я сделала как никто. Свет, музыка, тайминг — всё дышало. А мы с Марком… мы играли.

Он держал мою руку, подавал шампанское, наклонялся к уху — и от каждого его «Алиса, улыбнись третьей камере слева» по спине бежали мурашки, которые в контракт точно не входили. Когда нас фотографировали у пресс-волла, он вдруг положил ладонь мне на талию — легко, почти невесо-

мо, — и я почувствовала сквозь шёлк тепло его руки. Кадр получился таким, что наутро его растиражируют все каналы страны: «Ветров и его таинственная невеста: любовь, которая сильнее слухов».

— Ты отлично держишься, — тихо сказал он в танце, где-то на втором кругу.

— Это моя работа, — ответила я, глядя ему в плечо. — Я вообще-то профессиональная создательница красивой картинки.

— Знаю. — Пауза. — Поэтому и выбрал вас, Алиса Олеговна.

«Поэтому и выбрал». Сердце сделало совершенно лишнее сальто. Я мысленно пересчитала пункты контракта, чтобы прийти в себя.

Вечер клонился к финалу. Я стояла у колонны с бокалом (минералки — Артур следил), и Марк отошёл к попечителям, когда позади раздался женский голос — низкий, красивый, с лёгкой хрипотцой и с интонацией, от которой у меня мурашки пошли уже по другой причине:

— Марк? Милый, это правда? Не могу поверить своим глазам…

Я обернулась.

Она стояла в трёх шагах — платье цвета шампанского, светлые локоны, бриллианты и ноги от ушей. Женщина, которую я мгновенно узнала по всем светским хроникам: Ева Разумовская. Та самая, с фотографии четырёхлетней давно-

сти, где она держала Марка под руку. Та самая бывшая, о которой Артур говорил «тема закрыта, никогда не поднимай».

Ева скользнула взглядом по мне — с ног до головы, за полсекунды, оценивающе, как оценивают соперницу на выставке, — и снова посмотрела на Марка. Улыбнулась. Идеально.

— Ты совсем пропал, — сказала она ему так, будто нас с ней в этом зале не существовало. — Четыре года молчал — и вдруг женитесь? Весь интернет гудит. — Она сделала шаг ближе, и голос её стал тише, почти интимно, — но так, чтобы слышала я: — Милый, я так за тебя рада. Честно. — И, наконец повернувшись ко мне, с той же идеальной улыбкой: — Простите моему бывшему жениху его манеры. Кстати… — она чуть склонила голову, — а кто это?

Вспышки камер со всех сторон. Двести любопытных глаз. Марк, который шёл к нам через весь зал, и по его лицу я впервые не смогла прочитать ничего.

Я сделала глоток минералки и улыбнулась Еве Разумовской своей лучшей улыбкой — той, которой улыбаются, когда шоу должно продолжаться любой ценой.

— Кажется, пришло время познакомиться, — сказала я. — Алиса. Невеста Марка. Настоящая.

ГЛАВА 4. МАРК. ПОЦЕЛУЙ ДЛЯ КАМЕР

Есть три вещи, которые я никогда себе не позволял: терять контроль, доверять людям и целовать деловых партнёров.

В ту субботу вечером я нарушил третье правило. При двухстах свидетелях и тридцати камерах.

Но об этом — позже. А за пятнадцать минут до этого я шёл через Колонный зал к двум женщинам и думал о том, что вселенная обладает своеобразным чувством юмора.

Ева Разумовская стояла у колонны в платье цвета шампанского и улыбалась моей невесте той самой улыбкой, которой четыре года назад улыбалась мне. Я узнавал эту улыбку. Она означала, что человек уже выбрал, куда ударить, и теперь наслаждается предвкушением.

— …Алиса. Невеста Марка. Настоящая, — говорила Алиса, и я мысленно отметил: ни одного лишнего движения, голос ровный, подбородок под нужным углом. Держит удар лучше половины моих топ-менеджеров.

— Какая прелесть, — промурлыкала Ева, разглядывая её, как разглядывают недорогую, но удачную покупку. — Марк, милый, ты всегда умел выбирать… персонал.

— Ева. — Я встал между ними, положил ладонь Алисе на талию — лёгко, как полагается влюблённому, — и почувствовал, как девушка под моей рукой подобралась. Пальцы у неё были ледяные. Улыбка — тёплая. Профессионалка. — Ты вернулась?

— Вчера, — она не отводила глаз. — И сразу — такая новость. Весь город говорит о твоей… помолвке. Четыре года тишины, и вдруг — невеста. Не слишком ли стремительно для человека, который обещал мне, что никогда не женится?

— Люди меняются.

— Люди не меняются, милый. Люди показывают, кем были на самом деле. — Она перевела взгляд на Алису, и в голосе её появились медовые нотки яда. — Алиса, какое чудесное имя. А чем вы занимаетесь, дорогая? Кроме того, что ловите мужчин у служебных входов?

Я почувствовал, как Алиса сделала вдох — и понял, что сейчас она ответит так, что зал будет обсуждать это год. И что половина зала будет на её стороне. И что Ева этого и добивается: скандал, фото «свадьба под угрозой», заголовки.

Поэтому я ответил первым.

— Моя невеста, — произнёс я ровно, глядя Еве в глаза, — организует лучшие праздники в этой стране. В том числе — нашу свадьбу. Ты приглашена, Ева. Приходи. Посмотришь, как это делается.

Засверкали вспышки — папарацци почуяли кадр. Ева побледнела на полтона, но улыбку удержала:

— Как мило. Невеста-организатор. Марк, ты всегда ценил функциональность. — Она шагнула ближе, понизив голос: — Нам нужно поговорить. О том, что было. Ты ведь так и не спросил меня…

— Мне не о чем спрашивать, — сказал я. — И не о чем говорить. Хорошего вечера, Ева.

Я увёл Алису раньше, чем Ева успела ответить. Но её взгляд — я чувствовал его спиной до самых дверей.

Дальше вечер пошёл по расписанию — пожертвования,

речи, аукцион, на котором бабушка с азартом подростка торговалась за картину собственного внука-абстракциониста. Меня отловили попечители фонда: три спонсора, два вопроса про Сочи и один — про слияние, которое нельзя обсуждать в кулуарах. Я отвечал, улыбался нужной улыбкой и краем глаза следил за Алисой: она стояла у колонны с бокалом минералки — Артур не разрешал шампанское до финала, — и вокруг неё уже сложился кружок любопытствующих: кто эта девушка, которая заставила Ветрова встать на колено.

Она держалась безупречно. Скромно, тепло, с той неуловимой интонацией «я счастлива, но не буду вас утомлять деталями», которой невозможно научить, — она либо есть, либо нет.

Когда я наконец вырвался от спонсоров, кружка уже не было. Не было и Алисы.

Я нашёл их у гардероба — вдвоём. Ева стояла вплотную, почти интимно, чуть склонив светловолосую голову к Алисиному уху, и со стороны это выглядело как разговор закадычных подруг. Я знал эту позу. Так кошка наклоняется к мыши, чтобы объяснить правила игры.

Я не ускорил шаг. Подслушивать — плохая привычка, но за четыре года с Евой я усвоил: её удары всегда тихие.

— …и поймите меня правильно, дорогая, — долетело до меня. — Марк — он такой. Ему нравятся проекты. Нравится спасать, опекать, облагораживать. До первой скуки. — Пауза. — Знаете, что случилось с последней девочкой, кото-

рая решила, что отогрела его? Он вычеркнул её из жизни за один вечер. Вместе с семьёй, друзьями и планами. Вы даже не узнаете, за что.

— У вас богатый опыт по этой теме, — ответила Алиса тем самым тоном, от которого, я знал, уже вяли не только фикусы. — Прямо постранично.

Ева рассмеялась — тихо, красиво, ядовито.

— Опыт, дорогая, — это то, что отличает бывшую от следующей. Я знаю его четырнадцать лет. Вы — четыре месяца. К весне ему станет скучно, и знаете, что самое обидное? Он даже не заметит, когда всё закончится. Так что совет бесплатный, я добрая: берите деньги и уходите первой. Это единственная позиция, из которой с Ветровыми сохраняют лицо.

— Спасибо за совет. — Голос Алисы не дрогнул ни на полтона. — Мой — тоже бесплатный. Вы ошиблись в арифметике, Ева. Четырнадцать лет вы его знали. А поняли — нисколько. Иначе не стояли бы сейчас у гардероба, шепча гадости девушке, которую он выбрал. Выбор ведь уже сделан, правда? И сделан не в вашу пользу.

Тишина. Я видел, как у Евы дрогнула идеальная линия рта.

В этот момент Алиса повернула голову — и наши взгляды встретились через весь гардероб. Она не смутилась, не отпрянула, не позвала на помощь глазами. Она чуть приподняла бровь — «всё под контролем, Ветров», — и в этой се-

кунде я поймал себя на мысли, за которую Артур выпил бы моей крови: мне захотелось пересечь зал, взять её за руку и увести — не для камер, не для легенды.

Просто увести.

Ева выпрямилась первой.

— Марк, — сказала она, оборачиваясь, и голос её снова стал шёлковым. — Я как раз рассказывала твоей невесте, каким ты был в юности. Таким… тёплым. Представляешь, она не верит.

— Представь, — ответил я, вставая рядом с Алисой, — я тоже много во что не верил. До определённого возраста.

Ева скользнула взглядом по нашим рукам — я и сам не заметил, когда моя ладонь легла Алисе на поясницу, — улыбнулась на прощание и уплыла в зал, оставив за собой шлейф дорогих духов и чего-то ещё.

— Она опасна, — сказала Алиса вполголоса, глядя ей вслед.

— Ты только что объяснила ей это её же словами, — заметил я. — Опасна не она.

— А кто?

Я посмотрел поверх её головы — туда, где у выхода, в тени колонны, стоял Герман с бокалом и телефоном. Он не улыбался. Он слушал — приложив трубку к уху, глядя прямо на нас.

— Опасны те, кто её сюда позвал, — сказал я.

* * *

У главного входа нас ждали. Не папарацци — эти ждали бы поодаль. Нас ждал журналист с микрофоном и оператором, и я узнал постановку за секунду: «случайный» вопрос, «случайная» камера, заранее написанный заголовок.

— Марк Александрович! — прокричал он, сунув микрофон почти к лицу. — Источники, близкие к Еве Разумовской, утверждают, что ваша свадьба — условие сделки внутри семейного траста Ветровых! Что невеста нанята по контракту! Это правда?

Тихо. Аккуратно. Точно в цель — так бьёт только тот, кто знает, куда бить. Герман. Кто же ещё.

Краем глаза я видел, как Алиса набирает воздух для ответа — правильного, профессионального, из тех, что мы репетировали с Артуром.

Но правильный ответ здесь не работал. На слова пресса отвечает словами. На картинку — картинкой.

Я не стал думать. Думать было поздно.

Я развернул Алису к себе, взял её лицо в ладони — кожа щёк обожгла мне пальцы, — и поцеловал её.

В ту же секунду площадь у входа взорвалась вспышками.

Поцелуй должен был длиться три секунды — ровно столько живёт кадр, который потом облетит все каналы. Я считал про себя: раз, два…

На счёте «три» я не остановился.

Потому что Алиса Зарецкая, замершая в моих руках в первую секунду, на второй ответила. Её ладонь вцепилась в

отворот моего смокинга — то ли чтобы оттолкнуть, то ли чтобы удержаться, я так и не понял, — губы дрогнули под моими, и по мне, человеку, который десять лет живёт по графику и смете, прошла волна такого первобытного, несметного жара, что в голове на мгновение стало подозрительно тихо.

Раз, два, три, четыре…

На счёт «семь» она отстранилась сама. Дышала сбивчиво. Смотрела на меня расширенными глазами, в которых плясали вспышки камер, — и я увидел, как за этим огнём поднимается что-то тёмное. Гнев. Отличный. Гнев — лучше, чем равнодушие, гнев я умею переживать.

— Этого, — сказала она сквозь зубы, не переставая улыбаться камерам, — не было в контракте.

— Считай это бонусом, — ответил я так же тихо.

— Я выставлю тебе счёт. За моральный ущерб.

— Выставляй, — сказал я и открыл перед ней дверь машины.

Всю дорогу до её дома в Люблино мы молчали. Она смотрела в окно. Я — на её профиль, на кольцо, ловящее свет фонарей, и думал о двух вещах одновременно.

Первая: кадр будет идеальный. Вторая: у меня проблемы.

* * *

Утром проблемы подтвердились.

«Поцелуй, который остановил торги» — писал деловой портал, приложив фотографию, где я держу лицо Алисы в

ладонях, а она вцепилась в мой смокинг. Фотография, надо признать, была такая, что даже я на секунду поверил.

«Настоящая невеста Ветрова: кто она?» — светские каналы уже раскопали агентство «Кулисы», юбилей бабушки и ту самую фотографию со сцены. Комментарии делились поровну: «какая смелая» и «охотница на миллиардеров». Вторых было чуть больше. Артур прислал сводку с пометкой: «Рейтинги зашкаливают. Фонд бабушки собрал рекордные пожертвования. Ты гений. Что ты сделал с лицом на фото № 3? У тебя там лицо человека, который нашёл смысл жизни. Оставь. Не стирай».

В одиннадцать позвонила бабушка.

— Марк, — сказала Таисия Аркадьевна голосом, молодым, как у девушки. — Я видела фотографии. Мальчик мой, я ждала этого тридцать четыре года.

— Бабушка, это для прессы.

— Конечно, для прессы, — легко согласилась она. — Как и всё настоящее в этой семье. Когда ты привезёшь Алису на семейный обед?

— В воскресенье.

— Вот и славно. — Пауза. — И, Марк… настоящий жених не возит невесту по ночам в Люблино. Через неделю её вещи должны быть у тебя. Иначе пресса начнёт задавать вопросы, а я начну на них отвечать. Ты же не хочешь, чтобы я отвечала на вопросы?

Я представил, как бабушка отвечает на вопросы. Содрог-

нулся.

— Хорошо.

— Вот и славно, — повторила она тем же тоном, каким вчера говорила Алисе что-то на ухо, — и положила трубку.

Потом была мама. Элеонора ограничилась минутной тирадой из Лондона: «Кто она. Что за семья. Ты понимаешь, что делаешь. Привези её на бал — я хочу посмотреть сама». Гудки.

Я смотрел на телефон и ловил себя на странном: больше всего из этого утра мне запомнились не заголовки, не бабушкина радость и не мамино неодобрение.

А то, как Алиса держала мой смокинг. Как будто боялась, что я исчезну.

* * *

Глеб доложил в два часа дня, войдя в кабинет без стука — ему одному это разрешалось.

— По «Финансовому партнёру». Долг семьи Зарецких выкупили через три дня после юбилея. Реальный собственник — офшор, но платёжки шли через банк, где обслуживается охранное агентство «Кедр».

— «Кедр». — Я откинулся в кресле. — Служба безопасности Германа. Начальник — Станислав Кедрин.

— Он. И это не всё. — Глеб положил передо мной распечатку. — Две недели назад Кедрин через свои каналы запрашивал полное досье на Алису Зарецкую. Мать, брат, учёба брата, маршруты, квартира. Запрос закрытый, но мой чело-

век увидел.

Я смотрел на распечатку и чувствовал, как внутри разливается знакомый холод — тот самый, из-за которого на советах директоров, по выражению Артура, «вянут фикусы».

Герман бил не по мне. По мне он уже бил — долгами, интригами, Евой. Герман пробовал новую цель: ту, что, по его расчёту, стала моей слабостью.

— Глеб. Тихая охрана на мать и брата. Внешнее наблюдение, без контакта. Кедрину в хвост — двух человек. И проверь, кто ещё в семье знает про Алису больше, чем написано в досье.

— Понял. — Глеб не двинулся. Потом всё-таки спросил, глядя куда-то мне за плечо: — Марк Александрович. Разрешите личный вопрос?

— Нет.

— Она ведь по контракту. До февраля.

— Она по контракту, — согласился я. — И любая строчка этого контракта, до которой дотянутся руки Германа, будет защищена. Это не чувства, Глеб. Это управление рисками.

— Конечно, — сказал Глеб с каменным лицом. — Управление рисками.

* * *

Вечером я остался в кабинете один.

На столе лежал наш контракт — Наталья Павловна прислала скан с правками к приложению. Я листал страницы машинально, пока не открыл пункт седьмой: «Стороны обязу-

ются воздерживаться от физического контакта, выходящего за рамки публичной демонстрации отношений. Поцелуи — исключительно по взаимному согласованию сторон и не более необходимого для публики».

Под пунктом стояла её подпись. Мелкая, быстрая, с решительным росчерком — вся Алиса Зарецкая в трёх сантиметрах чернил.

Я взял ручку и зачеркнул пункт. Аккуратно, одной линией.

«Вы не в моём вкусе», — сказал я ей при подписании. Сказал спокойно, как формулируют техническое условие: светлый тип, огонь в глазах, характер, который не гнётся, — всё, что противопоказано человеку, живущему по графику. Моя жизнь была выверена, как смета. Такие, как она, в смету не вписываются. Такие, как она, смету переписывают.

Я посмотрел на зачёркнутый пункт, на фотографию в телефоне — ту самую, кадр номер три, где у меня «лицо человека, который нашёл смысл жизни», — и налил себе виски.

Она не в моём вкусе. Я повторил это раз. Повторил два.

На третий раз не стал. Потому что врать себе — худшая из стратегий. А я привык выигрывать.

ГЛАВА 5. АЛИСА. ДОМАШНИЕ ПРАВИЛА

Переехать к мужчине, с которым ты не спишь, — это как выйти играть главную роль в спектакле, где ты каждое утро забываешь текст.

Семейный обед у Таисии Аркадьевны прошёл в воскресенье и напоминал минное поле, засаженное антикварiатом. Особняк на Остоженке: лепнина, портреты предков в тяжёлых рамах, запах воска и печёных яблок. Бабушка Ветрова восседала во главе стола, как королева в изгнании, — и весь род Ветровых, человек двенадцать, вращался вокруг неё, как планеты.

Меня разглядывали. Вежливо. Оценивающе. Как новую породу собаки на выставке: интересно, но в родословную не впишешь.

Я держалась. Семь лет профессии: лицо — сцена, спина — струна.

Герман Андреевич подсел ко мне сам — между супом и горячим, с бокалом и той самой улыбкой, про которую Артур говорил «прячет нож».

— Кузина, — начал он так доверительно, что я сразу напряглась. — Я так рад за Марка. Правда. Наша семья давно нуждалась в… свежей крови. Вы ведь Алиса? Прекрасное имя. А знаете, я навёл справки — ваше агентство «Кулисы» показывает такой интересный рост. Связи творят чудеса, не правда ли?

— Труд творит чудеса, — ответила я. — Связи их только фотографируют.

Кто-то из дальних родственников хмыкнул. Герман не дрогнул.

— А брат ваш — Кирилл, кажется? Учится в Бауман-

ке? Замечательно. Молодёжи сейчас нужно быть осторожной. Времена неспокойные. Улицы, знаете ли, таят опасности. Особенно для мальчиков из небогатых семей.

Ложка в моей руке нагрелась.

— Герман, — раздалось над столом ровно, — ты угрожаешь моей невесте за семейным обедом?

Марк стоял позади моего стула. Когда он подошёл — я не услышала. Наверное, в этом весь Ветров: появляется там, где его не ждут, и все сразу начинают вести себя прилично.

— Что ты, кузен. — Герман развёл руками, улыбка ни на градус не изменилась. — Я забочусь. У нас в семье вообще принято заботиться о слабых.

— В нашей семье, — сказала Таисия Аркадьевна, не поднимая глаз от тарелки, — принято заботиться молча. Передай хлеб, Герман.

После обеда бабушка увела меня в гостиную — «показать семейные альбомы». Альбомы оказались предлогом: через минуту она держала мою руку в своих сухих горячих ладонях и смотрела прямо в глаза.

— Милая моя, — сказала она тихо. — Один совет, даром. В этом доме все играют. Кто-то играет на деньги. Кто-то играет на публику. А ты — играй искренне. Даже если всё это ненастоящее. Остальное приложится само.

По спине пробежал холодок.

— Таисия Аркадьевна, а что… ненастоящее?

Она улыбнулась — морщинки у глаз собрались лучиками,

добрыми и проницательными до невыносимости.

— Всё, дорогая. Всё на свете ненастоящее, пока не станет настоящим. Ступай. Тебя там жених потерял.

* * *

В понедельник я переехала в пентхаус.

Башня «Федерация», шестьдесят третий этаж, два уровня, панорамные окна от пола до потолка. Внутри — чёрное, белое, стальное и стеклянное, как операционная для миллиардеров. Идеальный порядок. Ни одной лишней вещи. Ни одной живой.

В центре гостиной стоял рояль. Чёрный, огромный, молчаливый.

— Он не играет, — сказала Инна, перехватив мой взгляд. — Рояль принадлежал отцу Марка Александровича. Никто не трогает. Ваши комнаты — на втором этаже, восточное крыло. Спальня, гардеробная, ванная. Замок электронный, отпечаток ваш зарегистрирован.

— А чужой отпечаток сюда пройдёт?

— Мастер-код есть только у Марка Александровича и у меня.

— Замечательно, — сказала я. — То есть дверь от вора защитит. А от хозяина дома — нет.

Инна позволила себе нечто среднее между улыбкой и соболезнованием.

— Алиса Олеговна, поверьте: за три года работы я ни разу не видела, чтобы Марк Александрович… — она подбирала

слово, — …отклонялся от графика. Вы для него — график. Пока.

Домоправительница Нина Григорьевна оказалась круглой, тёплой и пахла ванилью. Она встретила меня на кухне, оглядела, всплеснула руками и выдала первое:

— Худющая-то какая! Марк Александрович, он питается как волк — когда вспомнит. Ты его корми. И сама ешь, слышишь? Здесь еда есть, это не общежитие.

Так у меня началась двойная жизнь: днём — «Кулисы», монтажи, сметы, подрядчики; вечером — пентхаус, где я училась не занимать много места.

Получалось плохо. Я по природе занимаю много места.

Мои сценарии мероприятий расползлись по стеклянному журнальному столу. Кружка с отколотым краем (счастливая, с первого корпоратива) поселилась среди его дизайнерских стаканов. Однажды он застал меня танцующей на кухне под музыку из колонки — с половником вместо микрофона, в его футболке, которую я стащила, потому что моя блузка была в стирке, и которую я, разумеется, не собиралась воровать, она просто… висела.

Марк стоял в дверях. Молча. Секунд десять.

— Репетиция свадьбы? — спросил он наконец.

— Репетиция свободы, — парировала я, краснея до корней волос. — Флешмоб. У нас все организаторы так сбрасывают стресс.

— Учту, — сказал он и ушёл. А утром на пианино… нет,

на рояле его отца мои сценарии лежали аккуратной стопкой. Сверху — стикер его бестелесно-офисным почерком: «Складывай аккуратно. М.В.».

Я приклеила рядом свой, жёлтый: «Не трогай мои бумаги, диктатор. А.З.».

На следующий день на холодильнике висел ответ: «Бумаги сложены. Ужин в духовке. Не питайся кофе. М.В.».

Так началась наша стикер-война. Нина Григорьевна говорила, что за три года не видела, чтобы на этом холодильнике висело хоть что-то, кроме графика доставок воды.

* * *

С Марком мы сталкивались в основном по утрам. Он выходил из тренажёрной — в шесть утра, представляете? — и однажды я имела несчастье встретить его на кухне в таком виде: мокрые волосы, серая футболка, обрисовывающая всё, что по контракту мне было не положено замечать, и полотенце на шее.

— Кофе? — спросил он.

— Угу, — выдавила я, старательно глядя в холодильник.

— В контракт не внесли пункт «не пялиться», — заметил он, наливая себе воду. — Упустили.

— Я не пялюсь!

— Ты говоришь со спиной холодильника уже сорок секунд.

Я хлопнула дверцей и ушла, а он — я слышала! — он усмехнулся. Ветров. Усмехнулся. Мир определённо катился

куда-то не по смете.

Но было и другое.

Глеб возил меня на объекты — «так безопаснее», сказал Марк, и спорить с этим тоном я не стала. Возле маминой дачи в Звенигороде появилась неприметная серая машина с двумя молчаливыми мужчинами. Я позвонила Ветрову:

— Ты приставил охрану к моей маме?!

— Да.

— Почему?!

— Потому что Герман наводил справки о твоей семье. Не спорь.

— Марк Александрович, — процедила я, — в вашем сценарии я, кажется, «функция». Так вот сообщите функции: функции не охраняют. Их используют.

В трубке повисла пауза.

— Охраняют всё, что хотят сохранить, — сказал он наконец. — Доброй ночи, Алиса.

И отключился. А я стояла и смотрела на телефон, и почему-то сердце колотилось так, будто он сказал что-то совсем другое.

* * *

Восемнадцатого ноября был папин день. Два года.

Я ездила на кладбище одна — Кирилл не смог, сессия, мама осталась дома: ей такие дни даются тяжелее всех. Я простояла у гранитной плиты час, под мелким ноябрьским дождём, и рассказывала папе новости: что «Кулисы» ##, что

Жанна купила новый проектор, что долги закрыты — да, пап, полностью закрыты, ты бы гордился своей дочкой-торговкой…

Про контракт я рассказала тоже. Честно.

— Ты бы смеялся, пап, — сказала я, глядя на его фотографию, где он молодой, загорелый, со своей вечной строительной каской набекрень. — Твоя дочь продалась. Дорого. Красивому мужчине. С плохим характером и хорошим почерком на стикерах.

Домой я вернулась промокшая и пустая. Прошла в свою спальню, легла на кровать прямо в одежде и лежала, глядя в чёрный потолок, пока внизу не стихли шаги, не погас свет.

В два часа ночи я не выдержала и спустилась на кухню — чай, тишина, холодильник гудит как живой.

Он был там.

Марк стоял у окна со стаканом воды — в чёрной футболке и брюках, босой, — и смотрел на ночную Москву. Услышав меня, обернулся. Взгляд скользнул по моему лицу — и остановился.

— Восьмое ноября, — сказала я, прежде чем он успел спросить. — Два года, как папы нет. Я в порядке. Просто не спится.

Он молча поставил стакан. Достал из шкафа две кружки — и, к моему изумлению, начал искать чайник. Миллиардер, который не знал, где у него дома чайник. Нина Григорьевна оставила ему записку на крышке — «НАЖАТЬ СЮДА» —

и он нажал «сюда» с таким видом, будто запускал ракету.

Мы пили чай за островом в полной тишине. Я — обхватив кружку обеими руками. Он — откинувшись, глядя куда-то в окно.

— Мне было четырнадцать, — сказал он вдруг. — Отца не стало в феврале. Авария на Новорижском. Я был в машине. В реанимации — три дня, потом — похороны, на которые я не попал, потому что лежал. Бабушка привезла мне его часы и сказала: «Теперь ты старший мужчина в доме, Марк». Мне было четырнадцать.

— Мне было двадцать четыре, — прошептала я. — И я всё равно до сих пор каждый раз набираю его номер, когда что-то случается. И слушаю «абонент недоступен». Как дура.

— Не как дура, — сказал Марк. — Горе не уходит, Алиса. Вокруг него просто строят жизнь. Как дом строят вокруг дерева, которое нельзя спилить.

Он сказал это так буднично — и так точно, что у меня защипало в глазах. Я опустила голову, борясь с собой, и проиграла: слеза всё-таки упала в чай.

И тогда Марк Ветров, айсберг, человек-смета, сделал то, чего не было ни в одном пункте контракта. Он обошёл остров и сел рядом — близко, плечом к плечу, — и молча положил мне на спину ладонь. Тяжёлую, горячую. И держал, пока я плакала, — не говоря ни слова, потому что все правильные слова в такие ночи уже сказаны кем-то другим.

Я уснула прямо там, положив голову ему на плечо. Кажет-

ся, он перенёс меня наверх — мне снился запах кедра и его голос где-то над ухом: «Тяжёлая ты, Зарецкая». — «Неси, миллиардер», — пробормотала я сквозь сон, и мне показалось, что он почти рассмеялся.

Утром мы оба сделали вид, что ничего не было.

Но на холодильнике висел стикер Нины Григорьевны — «Блины в духовке, деточка», — а рядом, его почерком: «Не пропускай завтрак. М.В.».

Я прижала жёлтый квадратик к груди и стояла так, наверное, минуту. Как идиотка.

* * *

Жанна явилась в пентхаус в субботу, обошла гостиную по кругу, потрогала рояль и вынесла вердикт:

— Это логово злодея из Бонда. Подруга, признавайся: кто из вас двоих злодей?

— Оба понемногу, — вздохнула я.

Через час, разбирая мою стирку, она извлекла из корзины мужскую рубашку — чёрную, дорогую, явно не мою, — и медленно подняла её двумя пальцами, как улику.

— Алиса. Это его рубашка. В твоей корзине. Рядом с твоим бельём.

— Он уронил её в ванной! Я не могу её просто так оставить…

— Ага, — сказала Жанна и прижала рубашку к сердцу. — Это не контракт, подруга. Это диагноз.

Рубашку я, конечно, отдала. Стираную, отглаженную и

пахнущую не его парфюмом, а моим кондиционером — с ванилью. Он ничего не сказал. Только посмотрел на неё, потом на меня. И повесил в шкаф.

* * *

Двадцать девятого ноября в усадьбе Ветрово намечался семейный бал — официальное объявление помолвки перед всем кланом. Инна привезла приглашение на плотной кремовой бумаге с вензелем и расписание: три примерки, два интервью, уроки танцев.

— Уроки танцев? — удивилась я. — Я вальсирую. Меня отец научил, на площадке, под магнитофон.

— Марк Александрович вальсирует иначе, — отрезала Инна. — Вы должны выглядеть одним механизмом.

Я должна была догадаться тогда. Механизмом. Функцией. Он ведь сам мне это сказал — только я услышала позже.

* * *

За неделю до бала, в пятницу вечером, я заехала в офис на Пресне — подписать рассадку: бабушка хотела, чтобы семейный стол мы с Марком открывали вдвоём. Инна просила завезти до девяти.

Этаж был уже пуст. Темнели стеклянные перегородки, спали мониторы, и только из его кабинета падала полоса света — дверь приоткрыта.

Я подняла руку, чтобы постучать.

— …нет. Таисия Аркадьевна ничего не узнает, — говорил Марк в трубку. Голос ровный, деловой, чужой. — Да.

Ситуация под контролем… Алиса?

Пауза. Я замерла с поднятой рукой.

— Она ничего для меня не значит, Глеб.

Мир очень тихо щёлкнул — так щёлкает в театре выключатель, когда гаснет свет декораций и остаётся голая сцена с проводами.

— Инструмент. Функция. Поцелуй был для камер, ты знаешь… После четырнадцатого февраля, когда пакет будет у меня, она получит свои деньги и исчезнет из кадра… Да. Кедрина придержи, но Зарецкую не трогай. Пока она мне полезна.

«Пока она мне полезна».

Я стояла в темноте чужого офиса с рассадкой в руках и чувствовала, как из меня, по капле, вытекает всё: ванильные стикеры, чай в два часа ночи, ладонь на спине, рубашка с моим кондиционером, дурацкое сердце, которое я себе запрещала, запрещала, запрещала…

Инструмент. Ну конечно. Пункт седьмой контракта: никаких чувств. Он просто соблюдал условия честнее меня.

Я развернулась и вышла — тихо, как учат девочек из хороших семей, которых жизнь учит одному: уходить надо бесшумно, чтобы никто не пожалел.

Рассадку оставила на ресепшене. Ночной охранник окликнул: «Алиса Олеговна, вы же заходили к Марк Александровичу?» — «Нет, — сказала я, улыбаясь своей лучшей сценической улыбкой. — Передумала».

Такси. Домой — в «дом». В спальню с электронным замком, который открывается отпечатком хозяина. Я заперлась, села на пол у кровати и посмотрела на свою руку.

Изумруд блестел в темноте, как глаз холодного животного.

Я повернула кольцо камнем внутрь — чтобы не видеть, — и полезла в сумку за контрактом. Страница с пунктами, её подпись, его подпись. Всё честно. Всё по пунктам.

В ту ночь я не плакала. Плачут обманутые. А меня никто не обманывал — меня проинформировали об условиях.

Просто я оказалась дурой, которая забыла прочесть сноску мелким шрифтом: у инструмента не бывает сердца.

ГЛАВА 6. МАРК. НОЧНАЯ КУХНЯ

В бизнесе меня учили: если контрагент вдруг замолчал — значит, он что-то узнал.

Мой контрагент молчал шестой день.

Что именно она узнала, я понял только на шестой — и впервые за много лет мне захотелось разнести собственный кабинет.

Но по порядку.

* * *

Слушок в моём кабинете появился два месяца назад — Глеб нашёл его в подставке настольной лампы, которую мне подарил Герман на новоселье офиса. Красивая вещь, тёмный мрамор, латунь. Внутри — передатчик, собранный так любовно, что его можно было показывать студентам.

Глеб принёс её мне в тот же вечер, положил на стол и спросил одно слово:

— Убираем?

Я смотрел на лампу — подарок кузена, заботливого, как акула, — и думал о том, что десять лет играю с Германом в шахматы вслепую. Он видел мою доску. Я его — нет.

— Нет, — сказал я. — Оставляем. С этого дня я буду говорить в этом кабинете только то, что хочу слышать Герман.

Так началась операция, которую Глеб окрестил «театром». Через лампу я сливал кузену выдуманную сделку в Сочи — с цифрами, сроками и подставным партнёром, которого он обязательно попытается перекупить. Через неё же, две недели назад, ушло главное: что моя невеста — фикция, функция, инструмент. Что после четырнадцатого февраля она исчезнет из кадра.

Логика была проста, как смета. По слаженности бьют. Герман уже пробовал Алису на зуб — коллекторы, досье, Кедрин. Если он уверится, что невеста для меня — строчка в контракте, он перестанет её беречь как цель. Функцию не уничтожают. Функцию перекупают или отбрасывают. А отброшенное — не больно.

Я убеждал себя, что это управление рисками.

Я почти не врал себе. Почти.

Потому что каждое слово того разговора давалось мне так, будто я глотал битое стекло. «Она ничего для меня не значит». Глеб на том конце молчал три секунды — он-то знал

цену словам, — потом сказал: «Принято. Играем».

Я рассчитывал продержаться так до бала. До двадцать девятого ноября оставалось меньше недели: объявление помолвки перед кланом, потом — финальная фаза «театра», наживка, подсечка. Две недели — и Герман попадёт в собственную яму с сочинскими цифрами, а я расскажу Алисе всё.

Я не знал, что она придёт подписывать рассадку в пятницу в восемь вечера.

Я не знал, что в моём кабинете приоткрыта дверь.

Я узнал об этом в среду — когда охранник этажа в вечернем отчёте отметил: «21.11, 19:40, Зарецкая А.О., оставила документы на ресепшене, в кабинет не заходила».

Время совпадало с разговором с Глебом. Минута в минуту.

* * *

Из всей Москвы мнение одного человека — организатора праздников двадцати шести лет, с отколотой кружкой и привычкой танцевать с половником, — стало для меня вдруг важнее сводок совета директоров.

Единственный человек, чьё мнение меня волновало, услышал именно те слова, которые не имели к нему никакого отношения.

Исправить это я не мог. Объяснить — не имел права: пока Герман верит в функцию, Алиса в безопасности. Скажи я ей правду — она сыграла бы облегчение, а Герман читает не

документы. Герман читает лица.

Оставалось две недели. Я сказал себе: выдержишь.

Не выдерживалось.

* * *

Она избегала меня по графику, который мог бы составить я сам: встречи перенесены на день, ужины — «спасибо, я поем», взгляд — поверх плеча, голос — вежливый, как у консьержа. Стикер-война на холодильнике прекратилась. Из кухни исчезла отколотая кружка.

Нина Григорьевна на четвёртый день поставила передо мной завтрак и сказала:

— Девочка как подменённая. Не ест почти. Что ты сделал?

— Ничего.

— Вот всегда так, — вздохнула она, забирая у меня планшет. — Сначала мужчины «ничего», потом девочки не едят. Иди работай, кормилец.

На пятый день я отправил ей билеты в Художественный — на премьеру, о которой она вскользь упоминала. Она передала их Жанне. С запиской: «Вашим подрядчикам нужнее. Спасибо за щедрость, Марк Александрович».

«Щедрость». Она била точно в цель — туда, где у меня теперь что-то болело.

На шестой день были уроки танцев.

* * *

Хореограф Регина — сухая дама с осанкой экс-балерины

— поставила нас в позицию и включила вальс.

— Первый танец на балу — ваш. Весь клан будет смотреть. Спина, Марк Александрович. Взгляд — на партнёршу, а не на выход.

Мы пошли по кругу. Алиса танцевала безупречно — и это было хуже всего. Безупречность означает контроль. Контроль означает дистанцию. Она держала ровно столько сантиметров между нами, сколько позволял этикет, и столько же — в голосе, когда отвечала «да, хорошо», «нет, спасибо».

— Стоп, — сказал я. Музыка оборвалась. — Ты танцуешь, как на похоронах.

— Я танцую, как заказано, — ответила она, не поднимая глаз. — Как функция.

Регина переводила взгляд с меня на неё с профессиональным интересом человека, который видел сотни пар и всё ещё верит в любовь.

— Продолжим? — спросила она осторожно.

— Нет, — сказал я. — Регина Валентиновна, спасибо. Дальше мы сами.

Когда дверь за хореографом закрылась, Алиса развернулась ко мне — и я увидел, что глаза у неё потемнели от злости.

— Что это было? — спросил я.

— Это было ровно то, что ты заказывал. — Голос звенел, как натянутая струна. — Механизм. Один слаженный механизм. Или мне ещё и дышать в такт музыке?

— Алиса…

— Я слышала тебя. — Она шагнула ближе, и на секунду мне показалось, что она сейчас ударит меня, — и я, пожалуй, заслужил. — В пятницу. В офисе. Дверь была приоткрыта. «Она ничего для меня не значит. Инструмент. Функция». Помнишь?

В зале стало очень тихо. Только вентиляция гнала воздух, и вальс на паузе щёлкал чем-то в колонках.

— Я хочу объяснений, — сказала она. — Сейчас. Не «после четырнадцатого февраля», не «когда-нибудь». Сейчас.

Я смотрел на неё — на эту злую, прямую, с пылающими щеками девушку в тренировочном зале моей башни, — и впервые за годы мне хотелось послать к чертям все операции, все трасты, все пятьдесят один процент.

Сказать ей всё.

— Не здесь, — произнёс я вместо этого и взял её за руку. — Пойдём.

Глеб проверил малую переговорную на сорок первом этаже — ту, что после последней проверки была чистой, как операционная. Я закрыл дверь сам.

— Слушай меня внимательно, — сказал я. — И задай потом один вопрос.

— Я задам его сейчас. Это было про меня?

— Нет. Ни одно слово из того разговора не было про тебя. — Я выдержал её взгляд. — Больше я сказать пока не могу. Мне нужно, чтобы ты поверила мне один раз. Две недели.

Ровно столько мне нужно, чтобы закончить дело, после которого я объясню тебе всё — каждое слово, каждую запятую.

— С какой стати мне тебе верить? — спросила она тихо.

И вот здесь я сделал то, чего не делал никогда: сказал вслух то, что по всем моим собственным правилам не произносится вслух.

— Потому что за тридцать четыре года я ни разу не нарушал собственных правил, — сказал я. — Кроме одного. Того, что про поцелуи. Его я нарушил с тобой. И нарушил бы снова — даже зная всё, что знаю про себя.

Она молчала. Я видел, как в ней борются злость, боль и что-то третье — то, чему она сама не давала названия, как и я.

— Это не ответ, — сказала она наконец.

— Знаю, — ответил я. — Но это правда. На сегодня — вся, которую я могу себе позволить.

Она кивнула — коротко, по-деловому, — и вышла. Но на пороге остановилась и, не оборачиваясь, сказала:

— Две недели, Ветров. Я считаю.

* * *

За два дня до бала, в два часа ночи, я спустился на кухню за водой — и застал её на подоконнике, с бокалом.

— Это «Шато Марго» восьмого года, — сказал я, включая свет. — Две тысячи евро бутылка.

— В пересчёте на бокал — дешевле твоей искренности, — ответила Алиса. Глаза у неё были красные, как будто она…

нет. Она не плакала, сказал я себе. Не из-за меня. Не после всего.

Я налил себе воды. Сел напротив, на стул, — и мы сидели в ночной кухне небоскрёба, как двое уцелевших после кораблекрушения.

— Твоя очередь, — сказала она вдруг. — Я тебе рассказала про папу. Ту ночь. Теперь ты. Расскажи что-нибудь, чего нет в досье.

Я должен был отказать. Дистанция — наше всё, дистанция — безопасность, дистанция…

— Мне было четырнадцать, когда не стало отца, — сказал я. — Я рассказывал тебе короткую версию. Вот длинная. Мы ехали с Новой Риги, он вёз меня с тренировки, шёл снег. Фура вышла на нашу полосу. Отец успел вывернуть — своей стороной на удар. — Я повертел стакан. — Бабушка приехала в больницу под утро, села у моей кровати и три дня не отходила. А на четвёртый сказала юристам: «Созывайте совет. Внук поправится — и будет учиться делу». Ей было шестьдесят шесть. Она вытащила семью и компанию одна, за десять лет, в стране, где всё рушилось. Я вырос с ощущением, что любовь в нашем роду выражается контролем, Алиса. Заботой через проверки. Нежностью через сметы. Другого языка я не выучил.

— Выучил, — сказала она тихо. — Ты его просто прячешь. Нина Григорьевна говорит, что ты в шесть утра спрашиваешь, поела ли я. Ты думаешь, я не понимаю, кто зака-

зывает мне машину до объекта? Кто поставил охрану маме и Кириллу? — Она усмехнулась, невесело. — Кто выкупил папин долг за час, даже не спросив «зачем тебе это».

— Это управление рисками.

— Конечно. — Она допила вино и вдруг спросила совсем другим голосом: — А Ева? Это тоже управление рисками?

Я помедлил. Про Еву можно было не рассказывать — но после её отца и моего снега врать или молчать означало проиграть что-то важное.

— Четыре года назад я собирался сделать Еве предложение, — сказал я. — Кольцо лежало в сейфе. Я готовил сделку года — выкуп отельной сети «Северный Сокол», восемь месяцев переговоров, закрытая информация. За три дня до подписания условия сделки оказались у конкурентов. Один в один, до цифр. — Я смотрел в стакан, как в тот снег. — Проверка заняла две недели. Следы вели к Еве. И к Герману, которому она их продавала. Я не устраивал сцен. Просто вычеркнул обоих. С тех пор я проверяю всех, Алиса. Абсолютно всех.

— Кроме меня, — сказала она.

— Кроме тебя, — согласился я. — И это, по всем моим правилам, — главная ошибка, которую я допустил за десять лет.

Она смотрела на меня долго. В ночной тишине гудел холодильник.

— Знаешь, что самое смешное? — произнесла она нако-

нец. — Я ведь тоже себя убеждала. Каждый день. «Это контракт. Это роль. Ты профессионал, Зарецкая». У меня даже список был — в телефоне, в заметках. «Причины, почему это не по-настоящему». Десять пунктов.

— И сколько осталось?

Она отвела глаза.

— Ни одного, — сказала она почти шёпотом. — Я стёрла его на прошлой неделе. После блинов.

Я поставил стакан. Подошёл — медленно, давая ей все шансы остановить меня, — и сел рядом на подоконник. Так близко, что видел, как бьётся жилка у неё на виске.

— Алиса.

— М?

Я поднял руку и убрал прядь, упавшую ей на щёку. Пальцы коснулись кожи — горячей, живой, настоящей, — и она не отстранилась. Она подняла на меня глаза, и в них было всё: злость, боль, усталость, вино, бессонница и то самое третье, без названия, — то же самое, что было у меня внутри последние шесть дней.

Я наклонился. Она подалась навстречу — на сантиметр, но я заметил.

Между нашими губами оставалось дыхание, когда в кармане завибрировал телефон.

Я не ответил бы. Клянусь, я не ответил бы никому на свете — но на экране высветилось: ГЛЕБ. В два часа ночи Глеб звонит только по одному поводу.

— Да.

— Таисия Аркадьевна, — голос Глеба был лишён всех интонаций, а у Глеба не было интонаций только в одном случае из ста. — Боль в груди. Дыхание сбивается. Врачи в пути, везут в Лапино. Я уже поднял наших.

Я поднялся так резко, что бокал Алисы покачнулся на подоконнике.

Она уже была на ногах — бледная, собранная, никакой сонливости. Профессиональная реакция человека, который десять раз за карьеру решал катастрофы за минуты до открытия занавеса.

— Едем, — сказала она. — Машина внизу?

— Алиса, тебе не нужно…

— Марк. — Она посмотрела на меня так, что все мои «не нужно» сгорели. — Она подумала, что я твоя невеста. Она поверила в нас. Я еду.

В машине мы молчали. Ночная МКАД летела навстречу оранжевыми огнями, Глеб выжимал из двигателя всё, на что тот был способен, а Алиса сидела рядом — прямая, сжав руки на коленях, — и я поймал себя на том, что протягиваю руку и накрываю её ладонь своей.

Она не отняла.

Она переплела наши пальцы — крепко, до боли, — и так мы и ехали всю дорогу, два фиктивных жениха и невесты, держась за руки, как самые настоящие люди на свете.

Незаконченный поцелуй висел между нами — мост через

пропасть, на который нам ещё предстояло ступить. Обоим. Позже.

Приёмное отделение пахло антисептиком и страхом.

И где-то в глубине, под рёбрами, у меня впервые за годы росло понимание простое и страшное, как диагноз: если с бабушкой что-то случится — я не успею. Не успею объяснить, не успею исправить, не успею сказать главные слова.

И что единственное, что ещё держало меня на плаву в этом коридоре, — это чужая тёплая ладонь в моей руке.

Та, которая по контракту ничего для меня не значила.

ГЛАВА 7. АЛИСА. НАЗОВИ ЦЕНУ

Ночи в больнице одинаковыми не бывают. Это вам скажет любой, кто хоть раз сидел на пластиковом стуле в коридоре платной клиники, где всё — от света до воздуха — стоит денег, а главное купить нельзя.

Таисию Аркадьевну увезли в реанимацию. Первые два часа нам никто ничего не сообщал: мимо проходили люди в синем, на наши вопросы они отвечали одинаково вежливым «ожидайте», а кофе в автомате на первом этаже был таким, каким и полагается быть больничному кофе, — горячим и бесполезным.

Марк не садился всю ночь.

Он стоял у окна в конце коридора — прямой, застёгнутый на все пуговицы, — и раз в полчаса делал один и тот же круг: окно, лифт, окно. Телефон он держал в руке, как чужую гра-

нату. Я смотрела на него и понимала: вот он, настоящий Ветров. Не тот, что на обложках Forbes. А этот — который в четыре часа ночи не может защитить самого дорогого человека ни одним из своих миллиардов.

В пятом часу я встала, дошла до автомата, купила два сэндвича и один сунула ему в руку.

— Ешь.

— Не хочу.

— Я не спрашиваю. — Я развернула свой и откусила с демонстративным аппетитом. — Твоя бабушка, если очнётся и увидит, что ты выглядишь как смерть с косой, расстроится. А ей расстраиваться нельзя. Значит, ты поешь. Логика железная, проверяла на подрядчиках.

Он посмотрел на сэндвич. Потом на меня. И — съел. Молча, как принимают лекарство.

— Тебе бы уйти, — сказал он, когда я уже думала, что разговор закончен. — Утро, съёмки, монтаж. Глеб отвезёт.

— А ты?

Пауза.

— Я останусь.

— Значит, и я останусь, — ответила я и вернулась на свой пластиковый стул. — У меня, между прочим, в контракте пункт: семейные мероприятия. Это, считай, внеурочное. Оплачиваемое.

Он не улыбнулся. Но что-то в линии его плечей дрогнуло и осело — на полсантиметра, не больше. Для Ветрова это

было равносильно объятиям.

В семь утра вышел врач — молодой, усталый, и сказал слова, после которых я поняла, что дышала последние три часа через раз:

— Гипертонический криз, осложнённый аритмией. Состояние стабилизировано. Прогноз — осторожно благоприятный. Три-четыре дня в реанимации под наблюдением, потом переведём в палату. И главное: полный покой. Никаких потрясений, никаких новостей, никаких… — он обвёл нас взглядом, — семейных разборок. У пациентки характер, но сердце, к сожалению, не железное.

Когда он ушёл, Марк медленно, как человек, которому разрешили сесть после расстрела, опустился на стул рядом со мной.

Мы сидели плечом к плечу и молчали. И в этом молчании было больше, чем во всех наших контрактах вместе взятых.

* * *

К полудню клиника превратилась в филиал светской Москвы.

Первой примчалась Инна — с планшетом, термосом и списком врачей, которых «на всякий случай консультируют лучшие». Потом потянулась семья: кузены, кузины, какие-то дальние Ветровы, которых я видела только в досье Артура, — все с идеальными лицами и идеальными букетами. Нина Григорьевна привезла домашний бульон в термосе и плакала в подсобке.

Элеонора, мать Марка, вышла на видеосвязь из Лондона: безупречная даже в горе, она произнесла ровно четыре фразы — «что случилось», «кто виноват», «я буду в пятницу» и «не пускайте к ней журналистов» — и отключилась.

Герман приехал к трём.

Я узнала его по запаху — дорогой парфюм и ещё чему-то, чему нет названия, но что всегда чувствуешь рядом с человеком, который улыбается не тем местом, которым надо. Он вошёл в отделение с огромным букетом белых лилий, обнял Марка (тот принял объятие, как принимают рукопожатие удава), что-то тихо сказал врачам, от чего те сразу стали почтительнее, — и сел ждать. Красиво. Терпеливо. Как человек, который пришёл на спектакль, где играет главную роль.

Таисию Аркадьевну перевели в палату только на третий день.

До этого я успела выучить расписание отделения наизусть, перезнакомиться с половиной семьи, отбить три попытки светских каналов «проникнуть к больной бабушке Ветрова» и один раз поймать на себе взгляд Марка — долгий, непонятный, из тех, что задают вопрос без слов.

А на третий день, в среду, случилось то, чего я ждала и боялась одновременно: Герман поймал меня одну.

* * *

Я спустилась в буфет за водой — той самой, настоящей, без газа, которую разрешали Таисии. Он уже сидел там: чаш-

ка эспрессо, безукоризненный костюм, вид человека, который ждёт именно меня.

— Алиса Олеговна. — Он поднялся, отодвинул стул. — Присаживайтесь. Две минуты. Или вы боитесь оставаться со мной наедине?

— Я боюсь опоздать к вашей бабушке, — ответила я, но села. Бежать было глупо. Разговаривать — полезнее. — Говорите.

— Деловитость. — Он одобрительно кивнул. — Ценю. Тогда сразу к делу, мы ведь оба взрослые люди. — Герман сделал глоток кофе и поставил чашку с такой аккуратностью, будто это был шахматный ход. — Сколько он вам платит?

— Простите?

— Ну полноте. — Улыбка стала теплее на градус — и холоднее на два. — Давайте без спектаклей, их здесь и так в избытке. Назовите цифру. Удвою. Утрою, если поторгуетесь для приличия. Агентству — пятилетний эксклюзив на все мероприятия группы, лично от меня, с авансом хоть завтра. Маме — дом получше дачи. Брату… у вас ведь брат? Студент. Умному мальчику полезно учиться за границей, а не ходить ночами через парк.

Последнюю фразу он произнёс мягко, почти ласково. И я поняла: это не предложение. Это демонстрация прицела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.